

МИР ДЕТСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Детство, понимаемое как *первоначало бытия*, как источник формирования личности, является *смыслоопределяющим* периодом жизни человека. Как в реальной жизни, так и в искусстве на протяжении достаточно длительного периода времени доминировали представления о Мире детства только как об особом, «игровом» периоде жизни человека. На протяжении большего периода истории человечества ребенок воспринимался в качестве «маленького взрослого» (и в «количественном», и в «качественном» аспектах: в произведениях живописи дети изображались с пропорциями тела взрослого человека; до конца XVIII века практически отсутствовал интерес «детской» тематике со стороны писателей и т. п.), а его «внутренний» мир – как «несовершенный», «неразвитый», для которого несвойственны глубинные экзистенциальные переживания (внутренний мир ребенка интерпретировался как «чистый лист»). Более того, само общество практически полностью игнорировало детство как значимого и прогностического в бытии человека.

Кардинальные изменения общественной и научной парадигмы произошли на протяжении последних трех десятилетий, когда начался процесс формирования рефлексивного подхода в осмыслении характера и способов взаимодействия с детьми (партнерских, равнозначных и др.). С этого момента можно признать факт актуализации проблем детства и Мира детства в качестве перспективных и потенциально значимых областей познания бытия человека. В первую очередь, это проявилось в художественной литературе: на наш взгляд, в среде современных писателей постепенно формируется особое

направление, в котором главенствующим ориентиром является экзистенциальный контекст Мира детства. Авторы, выступая от имени ребенка, предельно реалистично и выразительно создают многогранное пространство его бытия – эмоционально-чувственного, насыщенного событиями и психологическими коллизиями.

В данной статье мы опираемся на признаки «художественного мира» и «мира детства» [8], используя разнообразные произведения художественной литературы – русской и зарубежной, посвященные проблематике детства, создававшиеся в период с середины XIX до начала XXI века.

Литературное произведение создает целостный *художественный мир*, в котором в «концентрированном» виде представлены закономерности «мира реального». Основными признаками художественного мира являются *целостность* и *автономность* от мира реального (художественный мир живет по законам, им самим установленным), принципиальная *незавершенность* и *открытость* в другие художественные миры, а также в сознании *автора* и потенциального *читателя*. Структура художественного мира в ряде моментов аналогична структуре реального мира; художественный мир создается при помощи принятого в данной культуре художественного языка; он «похож» на мир реальный (но не тождествен ему и не является его «отражением»). Художественный мир использует в качестве «строительного материала» элементы других «миров», но при этом он сохраняет собственные смысл и форму. Как явление *духовной* реальности, художественный мир *неповторим* и *индивидуален*; его неповторимость связана с личностью творца – автора произведения. По своей сущности «художественный мир» – это всегда запечатленный в образной форме «переход» от «внешней» формы к форме «внутренней», превращение «действительного» мира автора и читателя в образную форму произведения.

Под «Миром детства» в данном случае мы подразумеваем созданную писателем *художественную реальность*, увиденную с точки зрения (позиции)

ребенка. В глазах писателей (в первую очередь, русских) детство интересно тем, что его художественное изучение позволяет раскрыть процессы психического и духовного становления, непрерывно расширяющие потенциальные возможности ребенка в освоении им окружающего мира и познания себя как полноправного субъекта действительности.

При этом мы не ставим перед собой задачу сфокусировать внимание на нравственных императивах и нахождения причинных связей, порождающих те или иные явления жизни детей, исключая тем самым, рационализацию предлагаемой философско-литературной рефлексии.

В данном случае нам оказывается близка *идея метаморфозы*, предполагающая перемещение и смешение пространств, временных границ, одновременное существование объекта (в данном случае – Мира детства) в разных художественных произведениях. Построение такого литературно-философского объекта позволяет нам найти подтверждение истины данного феномена, явленного как в каждом отдельно представленном художественном замысле, так и в собирательном образе, возникающем на материале произведений нескольких писателей, обращающихся в своем творчестве к теме детства.

Мир детства, рождающийся в литературно-философской форме, создается как единое экзистенциальное пространство, здесь мы акцентируем внимание на присутствие в нем *инореальности*; демонстрации обнажении экзистенциальной сущности души; непринятие детьми стереотипов взгляда взрослых на окружающий мир; особенности проявления мышления детей в способности актуализации жизненных проблем, а так же искреннюю веру в реальность мечты, фантазий воображаемых событий, потребности в их повторяемости (серийности). Особого внимания заслуживают фрагменты, описывающие душевные коллизии; естественно-непринужденную эпатажность поведения, специфичность языка детей.

«У любого человеческого существа, начиная с самого раннего возраста, есть такие области мысли и/или опыта, которые он ли она хотят держать при себе»[9; 83] – именно это и позволяет писателям приоткрыть «завесу» интимной мыслительной деятельности детей. Раскроем последовательно эти экзистенциальные атерфакты Мира детства на примере фрагментов из художественной прозы.

Наличие инореальности – обнаруживается в самодостаточной для детей субъективной действительности, существующей только для них, – столкновения с реальностью в любой конкретный момент времени:

«...Мне с детства казалось, да и сейчас кажется, что я ненастоящий. Что я игрушка, в которую люди почему-то неправильно играют. Но это чувство пришло не сразу. Я с самого начала не доверял миру. Но, по правде говоря, он чаще привлекал меня, чем отталкивал»[4; 3].

«...Я услышала ход времени в том нежном возрасте, в котором о нем обычно понятия не имеют. Услышала, как оно идет – безостановочно и неумолимо. И не только услышала, но и вступила с ним в сложные, сугубо личные отношения: время дразнило меня, пугало, подвергало в отчаяние. Оно стало моим кошмаром, бредом, единственным недремлющим свидетелем моей бессонницы, и по иронии судьбы олицетворяли его старые добрые часы с фигуркой безмятежно читающей женщины. Те самые, которые все детство были для меня символом тишины и уюта»[11; 69].

Демонстрация, обнажение экзистенциальной сущности души («страдание») – точка переживаний, испытаний, реакция детей на запредельные по остроте восприятия ситуации жизни. Диапазон, острота, глубина мировосприятия детей поражает своей безмерностью. Чувства, глубоко спрятанные ребенком от окружающих, обнаруживаются столь неожиданно и живописно, что создается впечатление хорошо отрепетированного сценария, с точки зрения случайных свидетелей:

«...Более всего в детстве Верка боялась потеряться. Мать несколько раз забывала ее – на рынке, в магазине. Она никогда не брала девочку за руку. Поэтому, если шли куда-то, четырехлетняя Верка вцеплялась в материнскую юбку мертвой хваткой и бежала за ней повсюду, как собачонка... Этот панический ужас перед толпой чужих людей, которым дела нет до ее маленькой жизни, сохранялся в ней долго, да так и осел в душе, – неприязнью к большому скоплению народа...»[15;103–104].

«...Я берегу эту фотографию. Не только потому, что она – единственное, оставшееся мне на память об отце и матери. <...> Нет, тут есть еще одна причина. У детдомовских, у таких, как я, круглых сирот, это пунктик. Сызмальства их больше всего на свете мучит вопрос о родителях: кто они были, отчего их нет, куда подевались? Никто никогда не поверит и не может поверить, что родители – мать или отец – просто так отказались от своего ребенка <...>. Но не приведи бог хотя бы намекнуть кому-нибудь из нас, что, дескать, ты – подкидыш. Кто поменьше, тот за палец укусит, а побольше – и в морду даст. Потому что такой вариант никого, конечно, не устраивает. Никому не охота с пеленок презирать человечество»[14].

«...Когда я переступил через порог нашего бедного домика, мне показалось, что я оставил в нем частицу самого себя. Я быстро огляделся вокруг, но мои глаза, затуманенные слезами, не увидели никого, к кому бы я мог обратиться за помощью: ни на дороге, ни в поле не было ни одного человека. Я начал звать:

– Мама! Матушка!

Мне никто не ответил, и я горько разрыдался» [10].

Непринятие стереотипов взрослых на явления, события, факты жизни. Окружающие детей взрослые, как правило, полагают, что их мнение является для ребенка безупречным и авторитетным. В действительности, его пытлиное сознание не может во всем соглашаться с позицией, точкой зрения *другого*, если она противоречит сложившейся на данный момент системе его

ценностных представлений. Двойственность отношений в мире взрослых, отражающаяся в несоответствии правил, норм, требований реальным поступкам, действиям и словам, вызывают у детей чувство непонимания, удивления и, в некоторых случаях, – справедливого негодования:

«...Почему люди так живут? Почему одни злые, другие добрые? Почему есть счастливые и несчастливые? Почему есть такие, которых все боятся, и такие, которых никто не боится? Почему у одних есть дети, у других нет?»[3; 14].

«Вы видели когда-нибудь на киноафише надпись «Детям до шестнадцати лет просмотр не рекомендуется»? Конечно, видели – я в этом уверен. Так вот мое мнение: более дурацких предупреждений я за свои тринадцать лет не встречал. <...> Меня бесит, когда взрослые считают нас недоумками и тупицами. Скажите, ну что мне могут показать такого в этом идиотском фильме, чего я не знаю и не видел? Нет, фильм, может быть, и неплохой, не спорю, но зачем же писать такую гадость? Аж зло берет»[16].

Актуализация обнаруживаемых детьми проблем проявляется в их реагировании на изменения действительности, поиске смыслов и значений. Избирательность восприятия детьми событий обусловлена наличием у них когнитивно-ценностной составляющей, потенциально иницирующей «погружение» в свой внутренний мир. Напряженная работа сознания отражается в рефлексивном осмыслении и поиске адекватного объяснения причин происходящего, в пределах сформированных представлений, имеющегося опыта и знаний об окружающем мире:

«...Я нахожусь сейчас в том возрасте, когда мне еще трудно назвать себя взрослым, но я уже и не ребенок. <...> У меня есть все. Меня еще не затронули взрослые проблемы, хотя я уже начинаю немного задумываться, кем буду, как сложится моя жизнь. Я понимаю, что пока родители заботятся обо мне, я – свободен»[12; 33].

«...Наташа рано догадалась, что она виновата. Виновата, что на дом приходит учительница музыки и учительница английского. Что бабушка на такси возит в ТЮЗ, а после спектакля старенький режиссер поит их чаем в своем кабинете. Что гости родителей не похожи на людей в очереди. Что няня водит в школу, а домработница стирает и готовит обед. Превратиться бы в другую девочку и жить, как живут остальные, в узких комнатах, где из книг только школьные учебники, где бабушки много пекут, и всегда чисто. И на кровати, на покрывале сидит кукла, протягивая руки и ноги навстречу входящему»[19].

«...Я у мамы и папы одна. Ни братьев у меня, ни сестер. И это уже – пропащее дело! Даже если у нас еще родится кто-нибудь – мальчик или девочка, все равно, – мне-то от этого никакого проку! Мне сейчас уже девять лет, а им будет – нисколько. Как с ними играть? А когда они меня догонят, дорастут до девяти лет, мне-то уже будет целых восемнадцать... Опять неинтересно будет мне с ними!.. Вот если бы они теперь, сейчас были моими однолетками!»[5; 3].

Искренность веры в реальность мечты, фантазий, воображаемых событий – основано на спонтанном провоцировании детьми ситуаций, рожденных эмоционально-чувственной потребностью сознания. Мечты и фантазии облекаясь в причудливые образы – пересекаются, переплетаются, пронизывают реальность, создавая особое пространство – ноосферу Мира детства, одновременно сохраняющей, созидающей и исторгающей из себя протуберанцы новых образов, фотографически запечатлеваясь в памяти:

«...Я с детства воображал, как буду богатым. Лежу, бывало, на бабкиной койке, перина на мне тяжелая, будто медведь, а я представляю: вот будет у меня драгоценный камень. Вынул его из кармана, и сразу – будто Президент! Почему нельзя быть богатым просто для себя? Так нет: банки, проценты, акции-облигации, контрольные пакеты, службы безопасности, костюмы с

галстуками и белыми рубашками... Будто тебя с твоими деньгами втягивает что-то и крутит...»[17; 809–810].

«...Я беру с маминого столика маленькое – размером с книгу – трехстворчатое зеркало. Открываю все три створки – из них смотрят на меня с одинаковым любопытством три совершенно одинаковые растрепанные девочки с бантом, сползающим на один глаз. Я воображаю, будто это мои сестры.

– Здрасьте! – киваю я им.

И все три девочки очень приветливо кивают мне, трясая своими бантами. Неслышно, одними губами, они тоже говорят: «Здрасьте»...

Можно, конечно, еще и высунуть язык, провести им по губам справа налево и обратно, можно даже попробовать дотянуться кончиком языка до носа – зеркальные девочки в точности повторяют все эти движения. Но ведь неинтересно! Вот если бы я закивала «Да, да!», а которая-нибудь из зеркальных девочек замотала бы головой «Нет-нет!» Или другая из них засмеялась бы, когда я не смеюсь, а третья вдруг вовсе взяла бы да ушла!

Гораздо интереснее та девочка, которая смотрит на меня с блестящего выпуклого бока самовара. Хотя у нее все тот же бант, сползающий на один глаз, но все-таки она одновременно и похожа на меня и – не совсем. Придвинешься к ней лицом – у самоварной девочки лицо расплывается, становится круглым, как решето, щеки распухают – очень смешно, я так не умею. Откинешь голову назад – лицо у самоварной девочки вытягивается вверх, становится худенькое-худенькое, и вдруг из ее головы начинает расти другая голова, точь-в-точь такая же, только опрокинутая волосами вниз, подбородком вверх, – это еще смешнее!

– Ты что? – говорю я самоварной девочке очень грозно. Но тут в комнату входит мама и, конечно, портит всю игру!»[5].

«...Когда папа заболел, пришел доктор и сказал:

– Ничего особенного, маленькая простуда. Но я вам советую бросить курить, у вас в сердце легкий шумок.<...> И когда он ушел, мама сказала:

– Как это все-таки глупо – доводить себя до болезней этими проклятыми папиросами. <...> Вот так раз! Я посмотрел на папу. Он был большой, спору нет, но все-таки поменьше лошади. Он был побольше меня или мамы, но, как ни верти, он был поменьше лошади и даже самой захудалой коровы. Корова бы никогда не поместилась на нашем диване, а папа помещался свободно. Я очень испугался. Я никак не хотел, чтобы его убивала такая капля яда. <...> От этих мыслей я долго не мог заснуть...»[7].

«...Гасят свет, и комната погружается во мрак, только окна, которые до этого были темные, даже черные, моментально становятся светлыми. Я гляжу на окно, на лицо окна. Верхняя часть оконной рамы – это лоб. Под ним две форточки – глаза (бывают и одноглазые). Нижние открывающиеся створки – щеки, между которыми длинный, от бровей до самого подбородка, нос. Рядом – другое такое же окно-лицо. Оба окна выжидательно глядят на меня, словно думают: "Ну-ка, посмотрим, голубчик, что ты теперь будешь делать".

Мрак постепенно рассеивается, и я снова вижу страшного старика. В темноте вид у него еще более зловещий. Я накрываюсь с головой одеялом и пытаюсь поскорее заснуть. Мое воображение разыгрывается. Мне чудится, что старик уже сошел со своего места и неслышно подкрадывается, чтобы схватить меня. Время идет. Никто меня не хватает. Наконец спасительный сон незаметно берет меня на руки и уносит в свое волшебное царство»[13].

Повторяемость (серийность) событий – заново-повторение действий, поступков, с целью их конституирования в собственном сознании. Осваивая окружающий мир, дети полностью погружаются в создаваемую ими реальность, в которой они являются полновластными творцами. Если какое-либо событие или действие доставляет ребенку удовольствие, или при помощи его он пытается достичь определенной цели, то он способен повторять данную операцию бесчисленное количество раз, достигая при этом «эффекта

усвоения» – создания конкретного алгоритма, используемого им в подходящих или типичных жизненных ситуациях.

«...Игра устроена вот как: Агата зажимает глаза, приседает и быстро прижимается лбом к батарее. Батарея горячая, Агата терпит, сколько может, но не слишком долго, а то иначе получается не игра, а испытание. Потом Агата быстро выпрямляется, встает на цыпочки и нагретым лбом изо всех сил прижимается к ледяному зимнему окну. От неожиданного ощущения у Агаты звенит в ушах, она не понимает, нравится ей эта игра или не нравится, но повторяет ее снова и снова...»[6].

«...Наш двор, как он выглядел тогда, столько-то лет назад. Я бы сказал, то была скорее свалка, чем двор. Росли чахлые деревья липы, стояли два или три гаража, а за гаражами – горы битого кирпича и вообще всякого мусора. Но главное – там валялись старые газовые плиты, сотни три или четыре, их свезли к нам во двор из всех соседних домов сразу после войны. Из-за этих газовых плит у нас во дворе всегда пахло кухней. Когда мы открывали им духовки, дверки духовок, они ужасно скрипели. А зачем мы открывали дверки, зачем? Мне странно, что ты не понимаешь этого. Мы открывали дверки, чтобы тут же с размаху захлопывать их»[18].

Естественно-непринужденная эпатажность – основная модель детского поведения, проявляющаяся через наивность, искренность и непосредственность поступков, действий, реакций, вербальных и невербальных проявлений. Отсутствие в опыте детей социальных стереотипов позволяет им чувствовать себя непринужденно практически во всех ситуациях. Это может восприниматься окружающими как особенность, присущая только детям, – как «невоспитанность», «баловство», – однако это является естественным способом проявления их чувств и мыслей.

«...У меня, кажется, завелись вошки, – задумчиво протянула Манюня. Мы сидели у нее в комнате, и я, перегнувшись через подлокотник кресла, доставала с полки шашки.

– Откуда ты это взяла? – На всякий случай я отодвинулась от Мани на безопасное расстояние.

– Я чувствую ШЕВЕЛЕНИЕ у себя в волосах, – Манюня многозначительно подняла вверх указательный палец, – какое-то ТАИНСТВЕННОЕ ШЕВЕЛЕНИЕ, понимаешь?

У меня тоже сразу таинственно зашевелилось в волосах. Я потянулась к голове и тут же отдернула руку.

– Что же нам делать? – Манюня была обескуражена. – Если кто узнает об этом, то мы опозоримся на весь город!

– А давай наберем полную ванну воды, нырнем туда с головой и будем сидеть на дне тихо, пока вошки не задохнутся! – предложила я.

– Сколько понадобится времени, чтобы они задохнулись? – спросила Маня.

–Ну, не знаю, где-то час, наверное.

У Маньки заблестели глаза, видно было, что идея ей пришлась по душе.

– Давай, – согласилась она, – только, чур, ни слова Ба, а то она запретит нам залезать в ванну»[1].

«...Во двор торжественно въезжал свадебный кортеж. Машин было пять, и в самой роскошной – новенькой белой «шестерке», привезли невесту. <...> Все машины были украшены разноцветными лентами и воздушными шарами, а на капоте шестерки красовалась большая кукла в белом платье и развевающейся фате!!! – Ух тыыыы! – выдохнули мы. – Если бы мы спустились вниз, то я бы точно до этой куклы добралась, – расстроилась Каринка. – Зачем она тебе? Ты же не играешь в куклы! – Да мне просто интересно, каким образом они ее к капоту прикрепили. <...>Когда пробежали мимо «шестерки» с куклой, не удержались и подергали за ножки, чтобы узнать, как ее прикрепили к капоту. Кажется, ее действительно приклеили, потому что держалась она намертво.

– На обратном пути оторву, – бросила на бегу Каринка»[2].

Специфичность языка детей – речь ребенка значительно сложнее и осмысленнее, чем она может представляться на первый взгляд. Она выступает в качестве посредника между ним и объектами его желаний; становится как препятствием, так и средством, способствующим достижению целей. Мир Детства характеризует особый эмоциональный язык, нетривиальные интерпретации понятий, авторский способ выражения собственных представлений об окружающем (в частности, созданием неологизмов). Развитие способности ребенка воспринимать мир обусловлено возможностью познания смысла слова и речи:

«...У тебя в зивоте кто зивет?– не вытерпев, после очередного громкого глотка спросила у Ба Гаянэ. – Никто. – Ну ведь кто-то должен говорить «кулдумп», когда ты глотаешь? – Гаянэ смотрела на Ба большими влюбленными глазами. – Я вниматейно слушаю. Когда ты глотаешь, кто-то внутри говорит «кулдумп»! Ба, ты мне скажи, кто там зивет, я никому не скажу, а если скажу, пусть мне будет нисс... нисдобрывать»[2].

Материально подтверждаемое свидетельство существования Мира Детства в различных сферах жизнедеятельности социума, которое простирается от описания бытовых реалий (атерфактов – предметов, игрушек, одежды и др.), создания произведений искусства (живописи, литературы, театра, фотографии и пр.), до современных научных трактатов (в области истории, культурологии, педагогики, психологии, философии, этнографии и т. д.). Образно его можно представить в виде мирового виртуального музея с постоянно пополняющейся экспозицией, бережно сохраняющего в своих запасниках бесценные архивные документы:

«...Отправьтесь со мной в фантастическое, головокружительное путешествие в мир моего детства и испытайте внутри себя чувство узнавания. Я уверена, что нам всем доступно это измерение с самого начала <...> знания о мире беспредельности, мире без времени и места <...> вы почувствуете тот глубокий внутренний мир, который вы давно покинули»[20].

В представленной работе в основе осмысления Мира Детства использован *герменевтический принцип*, – в самом широком его понимании, – когда предлагаемый образ, порождаемый текстом, являет собой *духовную сущность* раскрываемого объекта при помощи «языка чувств» – сопереживания, «вчувствования» – как автора, так и читателя, воспринимающего текст.

Список литературы

1. Абгарян Н. Манюня. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/narine_abgaryan/manyunya/read/ (дата обращения: 29.02.2015).
2. Абгарян Н. Манюня пишет фантастический роман. [Электронный ресурс]. URL: <http://knigosite.org/library/read/87101> (дата обращения: 29.02.2015).
3. Айтматов Ч. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Повести. Роман. М.: Молодая гвардия, 1983. 49 с.
4. Асвацатуров А. Люди в голом. М.: Издательство Ad Marginem Пресс, 2009. 304 с.
5. Бруштейн А.Я. Дорога уходит вдаль. Книга первая. [Электронный ресурс]. URL: http://bookz.ru/authors/aleksandra-brubtein/doroga-u_345/1-doroga-u_345.html (дата обращения: 15.04.2016).
6. Горалик Л. Агата возвращается домой. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.gribuser.ru/xml/fictionbook/2.0"xmlns:l="http://www.w3.org/1999/xlink](http://www.gribuser.ru/xml/fictionbook/2.0) (дата обращения: 22.06.2015).
7. Драгунский В. Денискины рассказы. Избранное. Повести и рассказы. М.: Планета детства; Изд-во Астрель, 2000. 255 с.
8. Кондаков Б.В., Попкова Т.Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания. Статья первая. Вестник Пермского

университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 4 (16). Пермь, 2011. С. 130-143.

9. Макбрайт У. Глобализация и межкультурный диалог // Вопросы философии. –2003. – № 1. – 80-87.

10. Мало Г. «Без семьи». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=18962> (дата обращения: 22.07.2015).

11. Миллер Л. И чувствую себя невозвращенкой. Мелочи жизни // Новый мир. – 2000. – № 1. – С. 68-85.

12. Можно жить в мире без насилия / Сборник творческих работ детей Пермского края. Пермская региональная общественная организация «Центр развития гражданской активности и формирования социальной безопасности «ПравДА вместе». Пермь, 2013. 121 с.

13. Носов Н. Тайна на дне колодца: повесть. Ч. 1 [Электронный ресурс]: URL: <http://tululu.org/read12210/> (дата обращения: 23.05.2016).

14. Рекемчук А. Мальчики. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rekemchuk_a_e/text_1970_malchiki.shtml (дата обращения: 14.08.2015).

15. Рубина Д.И. На солнечной стороне улицы. М.: ЭКСМО, 2006. 432 с.

16. Самарский Миша. На качелях между холмами. [Электронный ресурс]. URL: <http://coollib.net/b/228330> (дата обращения: 06.05.2014).

17. Славникова О.А. 2017: Роман. М.: Издательство Вагриус, 2008. 544 с.

18. Соколов Саша. Школа для дураков. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libtxt.ru/sokolov_sasha/22229-SHkola_dlya_durakov.html (дата обращения: 24.12.2015).

19. Толстая Н.Н., Толстая Т.Н. Не называя фамилий. Двое: рассказы, эссе, интервью. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litlikbez.com/russkaja-proza-tolstaja-tatjana-i-tolstaja-natalija-dvoe-%28rasskazy-esse-intervju%29.html> (дата обращения: 14.08.2015).

20. Юханссон И. Особое детство / пер. со шведского О.Б. Рожанской.
[Электронный ресурс]. URL: Child Neurology.
http://www.childneurologyinfo.com/education-text-the_special_childhood3.php
(дата обращения: 03.04.2014).